

И. ВЕРНЕР

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ АНТОВ И СКЛАВЕНОВ *

Может быть, слишком смело пытаться рассмотреть в краткой статье во всей широте проблему расселения антов и склавенов и этапы их расселения, тем более для археолога из Центральной Европы. Все же автор пытается занять в этом вопросе определенную позицию, руководствуясь убеждением, что для работающих над этой проблемой коллег из Юго-Восточной и Восточной Европы может представить интерес мнение человека, работающего над смежной тематикой. Автор был единственным представителем западноевропейских стран на посвященном славянской культуре V—VII вв. международном коллоквиуме, организованном пражским Археологическим институтом Чехословацкой Академии наук в сентябре 1967 г. Этот коллоквиум закончился выводом, что наиболее ранние датированные славянские памятники на территории, ограниченной с востока средним Днестром, с запада средней Эльбой и с юга нижним Дунаем, не старше VI в. Но славяне на нижнем течении Дуная засвидетельствованы Прокопием как анты и склавены под 529 г. Таким образом, обращение к археологическим данным несколько разочаровывает; ведь места обитания славян и культурное наследие обширной семьи славянских народов впервые становятся известными археологически только тогда, когда славяне, по письменным данным, появляются у границ Византийской империи. С другой стороны, археологически картина в так называемый период экспансии VI—VII вв. на основании исследований последних десятилетий удивительно единообразна на обширных пространствах: углубленные однокамерные квадратные жилища с одной глиняной печью или печью-каменной в углу; расположение небольших неукрепленных поселений преимущественно в поймах рек; лепная керамика пражского, корчакского или ченьковского типа; трупосожжения в грунтовых могильниках почти без инвентаря. Возникает вопрос: сложился ли устойчивый комплекс из этих элементов культуры только в период экспансии? Каким же представляется археологу вопрос о происхождении и изначальном месте обитания тех людских масс, которые, по свидетельству византийских источников, наводнили в VI—VII вв. Балканский полуостров и славянизировали обширные пространства Юго-Восточной Европы от Греции до Каринтии? Археолог на Западе, ищущий ответ на этот вопрос, не имея возможности работать непосредственно над археологическим материалом, может опи-

* Настоящая статья является переводом на русский язык доклада, прочитанного 13 мая 1971 г. в Гос. Эрмитаже в Ленинграде на немецком языке. За помощь в переводе на русский язык доклада и публикуемой ниже статьи автор приносит М. А. Тихановой большую благодарность. На немецком языке доклад был опубликован в Actes du VIII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques, I, Beograd, 1971, pp. 243—252.

раться только на весьма многочисленные публикации последних лет (которые чрезвычайно умножили не только издание вещественных материалов, но и связанные с ними теории). Но зато он имеет и преимущество: он может посмотреть на проблему со стороны в целом, вне административных границ, и может подойти к проблеме даже шире, чем непосредственно занятые ею ученые, с учетом общеевропейской обстановки, и попытаться со своих позиций ввести в исследование новые методические приемы.

Отвлечемся пока от обстоятельств в «области колонизации», к югу от Дуная, где о расселении славян можно говорить только после середины VI в. и в большом масштабе лишь после 600 г., и постараемся выяснить, принадлежала ли территория между нижним Дунаем и средним Днепром к тем областям, откуда происходят славяне, или это были районы первичной экспансии, первичной по отношению к вторичной — области колонизации к югу от Дуная. На румынской территории в Мушени и в Молдове, т. е. между Олтом и Прутом, в VI в. появляется культурная группа, называемая румынскими исследователями Ипотешть — Кындепть, с могильниками с трупосожжениями (Балта-Верде, Сэрата-Монтеору и т. д.) и поселениями с углубленными землянками с относительными печами в углу (типа Шипот у Сучавы, Бухарест-Стрэулепть, Банкаса и т. д.). Эта группа относится к VI в. и датируется бронзовыми монетами Юстиниана, византийскими бронзовыми фибулами, пряжками типа Сучидава и т. д. Ее следует связать со славянами, названными Прокопием (склаваны и анты), которые под водительством и в союзе с кочевниками булгарами и позднее с кутригурами и аvaraми принимали участие во многих вторжениях в византийские провинции и привели к падению византийских пограничных укреплений на Дунае в правление Маврикия Тиберия (582—602 гг.). За счет добычи из областей, лежащих к югу от Дуная, следует отнести византийский «импорт», а предположительно также и круговую керамику из поселений к северу от Дуная, которую румынские исследователи хотят связать с автохтонным романским субстратным населением. Однако, учитывая большое число угнанных в Barbaricum жителей империи (только в 540 г. 100 000 человек), эти находки можно истолковывать иначе. Комплекс Ипотешть — Кындепть можно проследить на поселениях в верхней Молдове (Шипот) и в восточной Трансильвании (Чернат и Пойян, раскопки З. Секей); далее по верхнему течению Прута и Днестра (Незвиско, раскопки Г. И. Смирновой, Демьянов и Рипшев II, раскопки В. Д. Бараца, Зимно, раскопки В. В. Аулиха). Родственные поселения исследовали П. И. Хавлюк в среднем течении Южного Буга (Семенки, Самчинцы, Скибинцы) и Д. Т. Березовец на Тясмине (Молочарня) и в районе Днепропетровска. Публикации этих материалов¹ показывают, что поселения расположены в речных поймах, на маленьких островках и песчаных дюнах, их инвентарь можно датировать VI—VII вв., многочисленны примеры характерных углубленных жилищ с печами в углу (полуземлянки). Все эти поселения, как и поселения припятской территории (типа Корчак), открытые, неукрепленные. Кроме византийского импорта и тех находок из металла, которые связаны с кочевниками, на этих поселениях постоянно встречаются литые бронзовые пальчатые фибулы (Bügelfibeln), при этом типы их на нижнем Дунае сходны с экземплярами из «области колонизации» на византийской территории от Греции (Спарта, Неа Анхиалос, Деметриа) до Македонии, Албании и Сербии (рис. 1). В то же время украинские формы через Волынь и Вереский перевал единично доходят до Венгрии и там появляются в памятниках первого аварского каганата (рис. 2). Не имея возможности специально рассматривать здесь проблему так называемых славянских пальчатых

¹ Д. Т. Березовец. Поселения улицей на р. Тясмине; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, 1963.

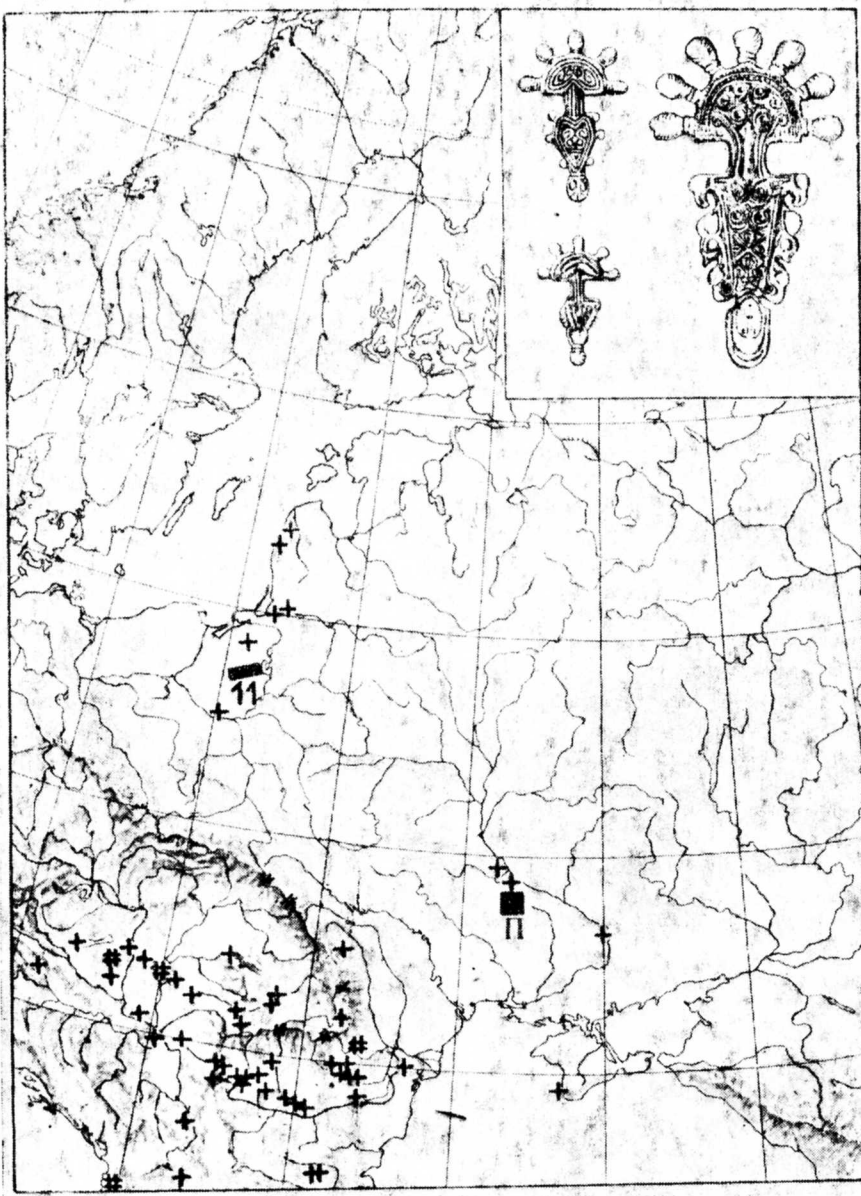

Рис. 1. Фибулы Подунавья (вторая половина VI и ранний VII в.):
11 — Мазурия, II — Пастырское

фибул, укажем лишь, что они в качестве одиночных фибул (явно фибулы от плаща) были составной частью женской одежды. Генетически они связаны с пальчатыми фибулами крымских готтов, гепидов и южнодунайских германских групп на византийской территории (*Gothi minores* и т. д.), которые, однако, были принадлежностью иной женской одежды — с парными фибулами и поясом с большой металлической пряжкой. Только за последнее десятилетие на украинской территории стало известно больше находок фибул на поселениях, но в достоверных погребениях с сожжениями они не найдены там до сих пор. Поэтому А. А. Спицын, причислявший фибулы этого типа к своим антским древностям, и В. А. Рыбаков,

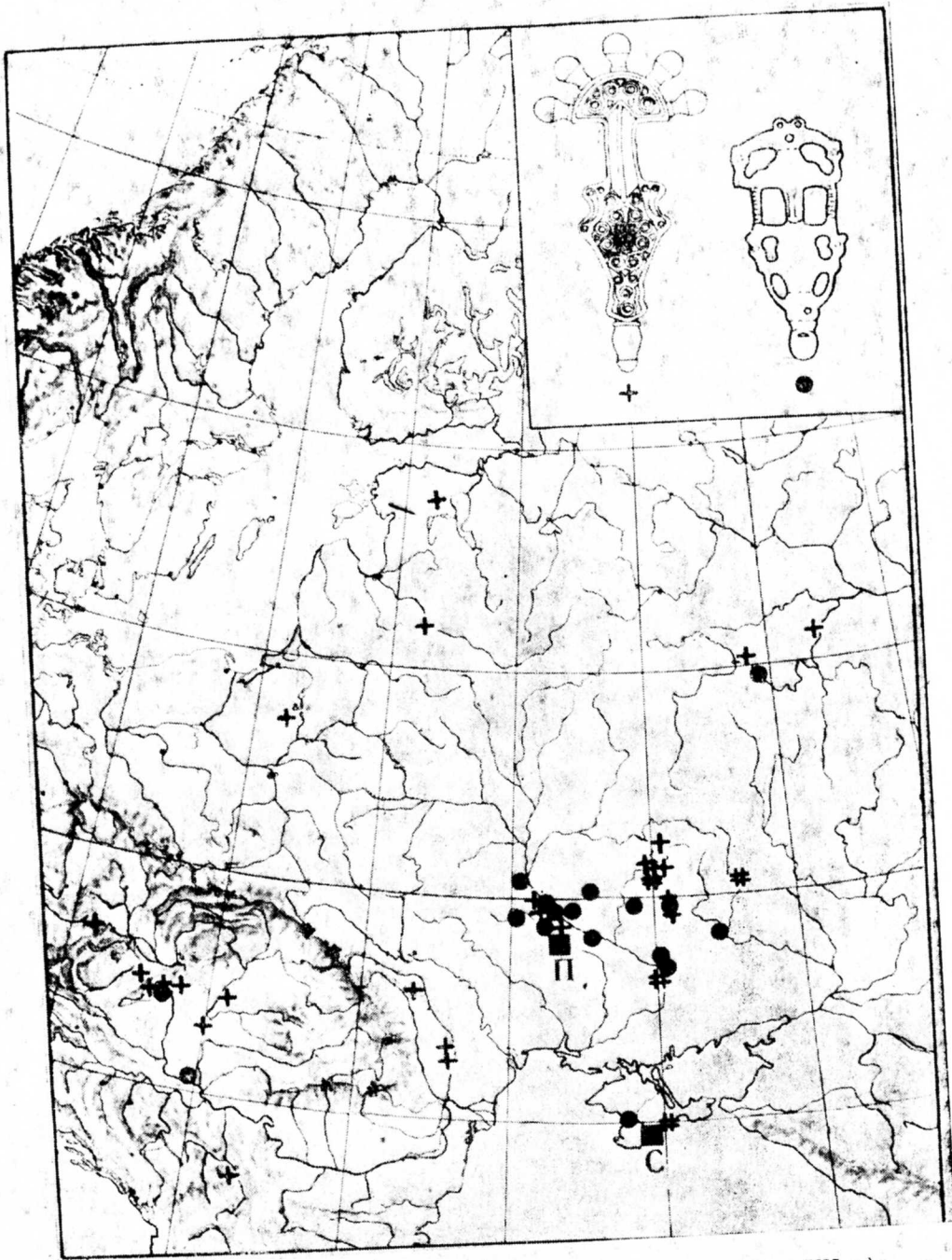

Рис. 2. Фибулы Поднепровья (конец VI и первая половина VII в.):
 II — Пастырское, С — Суук-Су

который в этом за ним следовал, опирались на случайные находки и клады. Отсюда отчасти становится понятным скепсис, с которым относились к этой группе памятников Г. Ф. Корзухина и И. И. Ляпушкин. Они рассматривали их как предметы, этнически неопределимые, изделия, которыми торговали, или даже как алаано-болгарские вещи (Г. Ф. Корзухина).

И. И. Ляпушкин пишет², что славянские поселения VI и VII вв. на юге СССР до сих пор обнаружены только между Дунаем и Днепром, а территория к востоку от Днепра, где его исследования сосредоточивались на городищах, заселена славянами только в VIII и IX вв. Исходя из мнения, что славянское население на территории между Муитенией и правобережной Украиной было пришлым, а бассейн верхнего Поднепровья заселен балтскими и финно-угорскими племенами, он предполагал, что область происхождения славянских пришельцев лежит на северо-западе, т. е. в Прикарпатье и к северу от него. Он считал, что разделение на восточных, западных и южных славян произошло только в результате крупных передвижений в VI и VII вв. И. И. Ляпушкин принадлежал к тем советским археологам, которые полностью отвергают непрерывность развития от черняховской культуры Украины поздне римского времени к славянской культуре VI—VII вв. Действительно, согласно исследованиям румынских и советских ученых, стало очевидным, что такая характерная культура, как Сынтана-де-Муреш — Черняховская, на всей ее территории между Олтом и средним Днепром внезапно обрывается в конце IV в. Это доказывается материалами как могильников (смешанные погребения: трупоположения и трупосожжения), так и поселений с их большими наземными домами (Лепесовка на Волыни, Будешты в Молдавии и т. д., многие из которых сожжены). Высокого качества круговая керамика и формы металлических изделий не находят продолжения в V в. Конец этой культуры, распространенной в лесостепной зоне Украины, связан с гуннским нашествием через Волгу и Дон. Вытеснение носителей черняховской культуры на запад и в незначительном числе на юг прослеживается на более поздних ступенях развития (уже неизвестных на исходной территории) на среднем Дунае (погребения с большими серебряными пластинчатыми фибулами) и в Крыму (погребения в Керчи и в некрополях Бакла, у Инкермана, Суук-Су и т. д.). Находки в Муитении позволяют нам вслед за румынскими исследователями видеть в носителях этой группы готов, более или менее перемешанных с местными дако-гетскими и сарматскими элементами. Симптоматичен тот факт, что в развалины сожженного поселения Герашень (район Плоешти) вшитоны два гуннских трупоположения времени после 400 г. О непрерывном развитии от культуры Сынтана-де-Муреш к этапу VI в. Ипотешть — Кындешть в Румынии также мало оснований говорить, как и о связи между черняховской культурой Украины и Молдавии и соответствующим славянским периодом Пеньковки на Днестре, Южном Буге, Тясмине и Днепре. Эти различия видны не только в отдельных элементах культуры (формы жилищ, керамика, одежда, погребальные обряды), но и в расположении поселений. Хотя ареалы обеих групп ограничены лесостепью и не распространяются ни на север, в лесную зону, ни на юг — в степную, черняховские поселения лежат на лессовых плато в пределах хороших плодородных почв и поблизости от выходов источников, в то время как раннеславянские поселения тяготеют к поймам. Исчезновение черняховской культуры из лесостепи (что следует объяснить только уходом ее носителей) имело своим археологическим следствием на этой территории почти полную пустоту, которую вопреки всяческим стараниям советских исследова-

² И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы. МИА, 152, 1968.

тепей сблизить хронологически наиболее поздние памятники Черняхова и самые ранние славянские памятники, уведя их в V в., заполнить не удалось.

Властителями этих обезлюдивших территорий, судя по немногим характерным находкам, были кочевники южной степной зоны. Между концом черняховской культуры и первым выступлением антов и склавинов на византийской дунайской границе в начале VI в. славяне должны были переселиться на территорию, ранее заселенную носителями черняховской культуры, и продвигаться через нее. Что касается времени этого переселения, то, исходя из общей исторической обстановки, его можно было бы

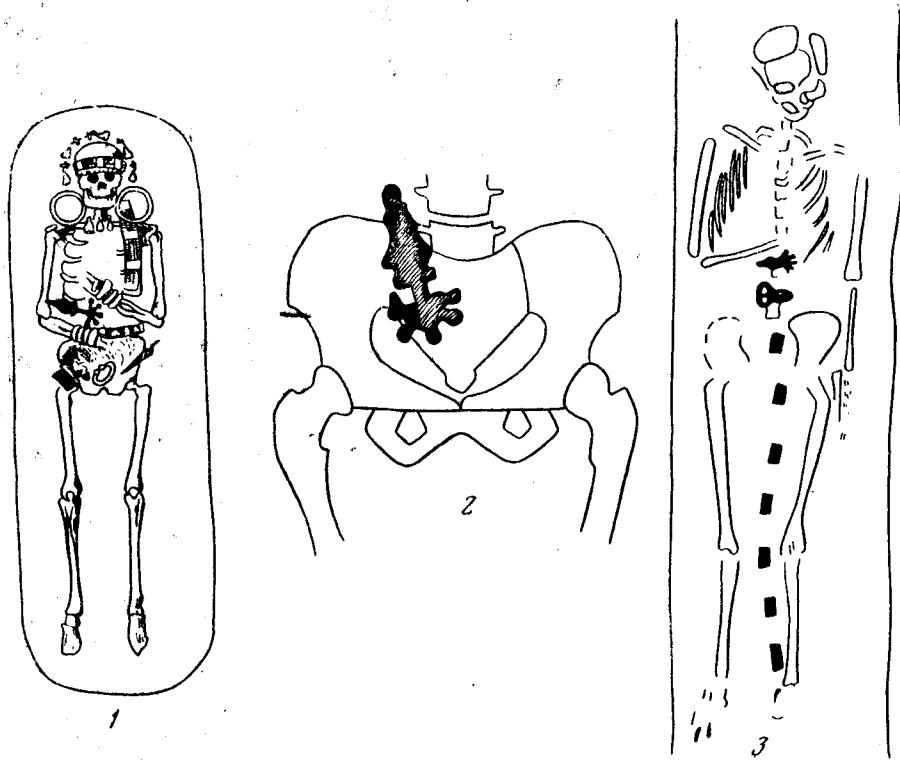

Рис. 3. Расположение славянских пальчатых фибул в погребениях:

1 — Подболотье, погр. 220; 2 — Сигетсентмиклош; 3 — Хирд, погр. 206

отнести или к периоду гуннского господства или, что вероятнее, ко времени после 454 г. Последнее связано предположительно с перемещением остготов в Паннонию. Расположение славянских поселений с материалами VI и VII вв. по долинам рек позволяет предполагать, что и передвижения их были связаны с большими речными долинами, что, возможно, объясняет общее направление движения с севера на юг и указывает на исход славянских племен из северной лесной зоны. Итак, присоединяясь к мнению И. И. Ляпушкина и других исследователей, можно считать установленным, что на территории распространения украинской (как и румынской) черняховской культуры имела место коренная смена населения вследствие ухода черняховцев около 400 г., с одной стороны, и прихода славян около 500 г. — с другой. Публикации советскими и румынскими исследователями материалов о славянских поселениях, VI и VII вв. на этой территории показывают, что это были пришлые племена со своей материальной культурой, принесенной в основном в готовом виде. Это касается поселений, форм жилищ, керамики, погребальных обычаев и одежды. В отношении фибул как принадлежности одежды, выяснилось,

что литые бронзовые пальчатые фибулы с поселений и из кладов связаны по форме с германскими типами V и VI вв. Вариант так называемых днепровских пластинчатых фибул, изготовленных в одночастной глиняной форме, по внешнему виду мог бы быть даже сравнен с пластинчатыми фибулами самой поздней черняховской фазы. Последнее обстоятельство склонило Б. А. Рыбакова к признанию прямых этнических связей. Однако, все эти одиночные фибулы выполняли в женской одежде совершенно

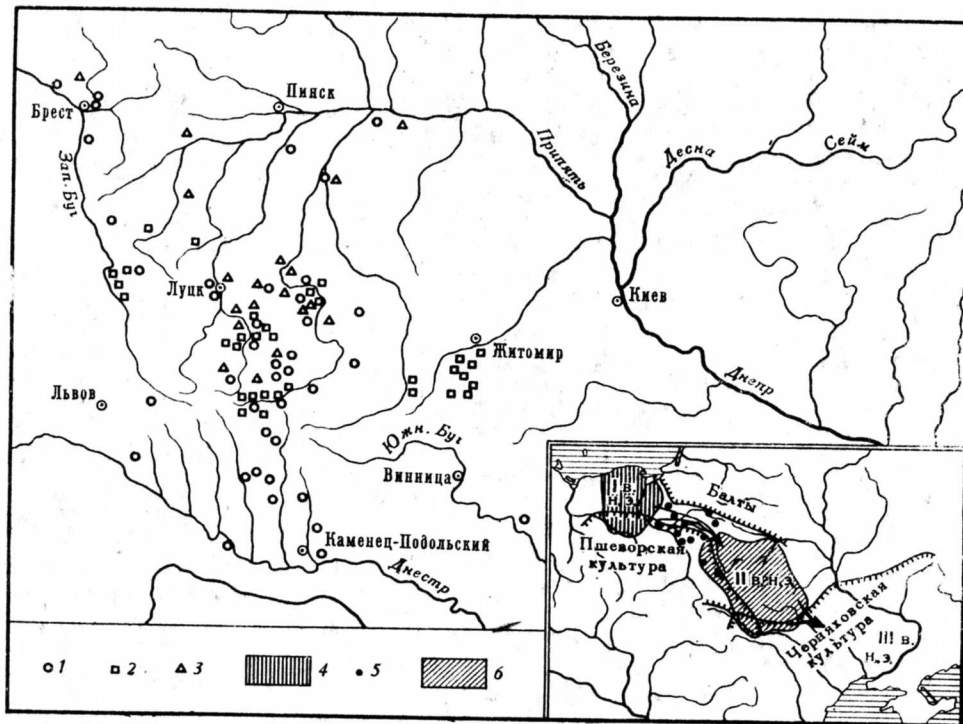

Рис. 4. Гото-гепидские находки в Полесье и на Волыни (По Ю. В. Кухаренко):

1—3 — поселения «гото-гепидской» культуры в Полесье и на Волыни; 4 — «гото-гепидская» культура в бассейне Нижней Вислы; 5 — «гото-гепидские» могильники, расположенные вдоль Вислы; 6 — «гото-гепидская» культура в Полесье и на Волыни

иную роль, чем носившиеся на плечах германские пальчатые парные фибулы. На периферийных территориях как следствие экзогамных браков такого рода фибулы, встречаясь единично в труположениях времени около 600 г. (Хирд у Печа, погр. 206 и Сигетсентмиклош на о. Чепель в Венгрии, погр. 14; Подболотье у Муroma, погр. 220), всегда лежат поодиночке на тазу погребенной (рис. 3). Их распространение на территории СССР ограничивается лесостепью (прежняя черняховская территория) и указывает на то, что эти типы сформировались только в VI в. в пределах территории экспансии, правда, в тесной связи с типами нижнего Дуная и «области колонизации» южнее Дуная. Это, конечно, не является доказательством того, что и одежда с одной фибулой может рассматриваться как новое приобретение на недавно освоенной территории.

Находясь в плену убеждения, что черняховская культура славянская и что на Украине должна иметь место непрерывность населения вплоть до Киевской Руси, советские исследователи только недавно, и к тому же очень робко, начали высказывать предположения о происхождении антов и склавенов из области лесной зоны на верхнем Днепре, Березине и

Десне, к северу от черняховской территории. Это не удивительно, поскольку единомыслие в истолковании материала VI и VII вв. на южной территории расселения только еще начинает с трудом намечаться и некоторые исследователи, как раньше, так и теперь, усматривают в них также аланов, сармат и болгар, т. е. кочевнические группы (М. И. Артамонов и Г. Ф. Корзухина). И. И. Ляпушкин в 1968 г. исключил из возможной родины пришельцев области севернее Киева и признал, как и П. Н. Третьяков («Финно-угры, балты и славяне», 1966), что в верхнем течении Днепра, на Березине и Десне жили балтийские племена, которые только в последней четверти I тысячелетия были вытеснены и ассимилированы пришельцами — славянами. Лишь бассейн Припяти на основе исследований Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой числился за славянами (корчакский тип), которые, однако, до сих пор из-за недостатка датирующих металлических вещей не прослеживаются глубже VI в. Мнение о заселении балтами Верхнего Поднепровья и значительных частей Белоруссии и их последующей славянизации было частично основано на археологических данных (по П. Н. Третьякову и Е. А. Шмидту, городища между верхней Камой на востоке и Неманом на западе до IX в. балтийские) и частично на лингвистических исследованиях В. Н. Топорова и О. Н. Трубчева о гидронимии этих областей. В. В. Седов³ независимо от И. И. Ляпушкина защищает близкую точку зрения. Для него также славяне до VI в. жили только севернее Карпатской излучины, в то время как между верхним Днепром и Двиной обитали балтийские племена, которые только в VIII и IX вв. были ассимилированы славянскими колонистами. Исторические племена дреговичей, радимичей, северян и кривичей являются образованиями только позднего периода расселения славян. И. И. Ляпушкин и В. В. Седов рассматривают взаимоотношения населения в верхнем течении Днепра, на Десне, Березине и Двине только под углом зрения вопроса о непрерывности развития и отрицают, несомненно вполне справедливо, что жившие там в период развитого средневековья славянские племена могли быть на этих территориях еще до VIII в. Оба считаются с постепенным переселением, т. е. с поздней славянской колонизацией за счет балтийских элементов. То, что древнейшие памятники Белоруссии балтийские, В. В. Седов еще раз убедительно показал в своем споре с минскими археологами Л. Д. Поболем и А. С. Митрофановым⁴. Но и здесь решающие аргументы в пользу балтийской принадлежности археологической группы Колочин — Тушемля или лингвистического порядка, или указание на отсутствие культурной непрерывности с безусловно славянскими материалами Белоруссии конца I тысячелетия, которые В. В. Седов в хронологической таблице своей книги 1970 г. сблизил в рамках VIII в. с более ранней балтийской группой. Какую роль играет здесь отсутствие точной хронологии археологических памятников, показывают весьма различные датировки длинных курганов с трупосожжениями этой территории И. И. Ляпушкиным III—IV вв. и В. В. Седовым VI—VII вв. Если к этому добавить, что на юго-западе в Полесье и на Волыни, где В. В. Седов и И. И. Ляпушкин, очевидно, ищут первоначальные места обитания пришедших на Украину славян (т. е. на территории между Брестом, Западным Бугом, Львовом, верхним Днестром, Житомиром и Пинском), Ю. В. Кухаренко⁵ с полным основанием предполагает для III

³ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970.

⁴ В. В. Седов. Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Рига, февраль 1967; его же. Рец. Л. Д. Поболь, А. Г. Митрофанов. Проблема расселения славян на территории Беларуси. ABS, VI, 1969, s. 263—269.

⁵ J. V. Kucharenko. Le problème de la civilisation «gotho-gépidé» en Polesie et en Volhynie. ABS, 1967, 5, стр. 19—40.

и IV вв. гото-гепидское население (рис. 4), будет достаточно трудно найти место для обитания славян между балтами и восточными германцами в III и IV вв. Разве только остается поискать его вместе с Ю. В. Кухаренко значительно западнее, на территории пшеворской культуры между Одером и Вислой.

В то время как тезис о разрыве (хиатусе) между черняховской культурой и славянами в украинской лесостепи в V в. находит среди советских исследователей все больше сторонников, возможность соответствующего хиатуса в VI и VII вв. для областей, лежащих к северу от Киева, на верхнем Днепре, Березине, Десне и большей части Белоруссии, до сих пор никогда не подвергалась рассмотрению. Ослепленные чарами балтийства и из-за недостаточной твердой хронологии И. И. Ляпушкин и В. В. Седов предложили начинать славянскую колонизацию края, издревле заселенного балтами, с VIII в. Они опровергали, без сомнения правильно, автохтонность этих поздних славянских поселенцев, которую в первую очередь белорусские исследователи понимали как непрерывность развития населения и связывали с ней носителей местной группы Колочин — Тушемля. Уточним еще раз этот вопрос на карте распространения керамических групп на верхнем и среднем Днепре (рис. 5), опубликованной И. П. Русановой⁶. Мы видим на западе, на Припяти, корчакский тип, на севере

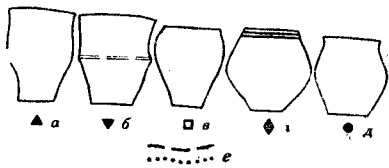
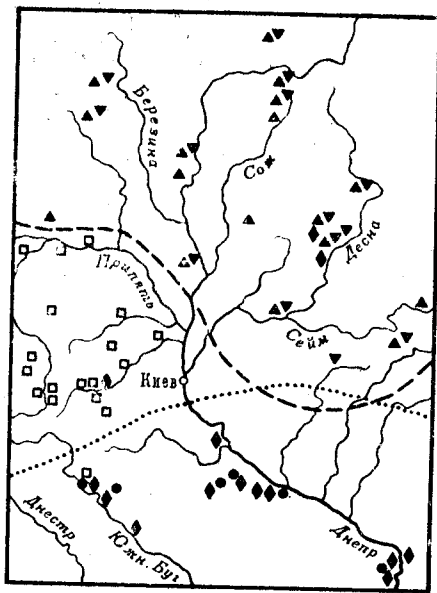

Рис. 5. Схема различных типов сосудов третьей четверти I тысячелетия н. э. (по И. П. Русановой):

а — тюльпановидные сосуды; б — сосуды с цилиндрическим верхом (а, б — тип Колочина — Тушемля); г — сосуды типа Корчак; г — биконические сосуды типа Пеньковки; д — округлобкие сосуды типа Пеньковки; е — границы археологических культур

тип Колочин — Тушемля, на юге, у пришедших на черняховскую территорию славян VI и VII вв., пеньковский тип. Являются ли эти три керамические группы, как это считает И. П. Русанова, одновременными и отражает ли их распространение синхронные археологические культурные группы? Если оставить в стороне группу на Припяти (корчакский тип), то синхронность Колочина — Тушемля на севере и Пеньковки на юге еще нуждается в доказательстве. Сама по себе керамика не может быть датирована точнее: И. П. Русанова относит все три группы к третьей четверти I тысячелетия. Из раскопанных же на современном уровне памятников северной группы опубликован только Колочин на Днепре, где, к сожалению, Э. А. Симонович не нашел никаких датирующих металлических вещей для второго периода. Поэтому интересующийся данной проблемой зарубежный читатель должен исходить из следующего.

1. Появление полуземлянок с печами вне укреплений (более ранних или более поздних у Колочина и у Щаткова вблизи Бобруйска) и на открытых поселениях у рек (Абидня и т. п.) — важный элемент культуры, общий для северной группы и групп Корчак и Пеньковка. Однако для

⁶ И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, карта на стр. 144, рис. 1.

хронологии это дает так же мало, как и общие для всех трех групп трупосожжение и родство керамических форм.

2. Все советские археологи, занимавшиеся этой проблемой (И. И. Ляпушкин, В. В. Седов, П. Н. Третьяков, И. П. Русанова, Л. Д. Поболь), признают за украшенными эмалью бронзами колочинско-тушемлинской группы решающее датирующее и большей частью также этническое значение. Они общепольские и относятся к III—V вв. Для неукрепленного поселения Абидня в верхнем течении Днепра (с 30 полуземлянками), благодаря находкам тиглей для литья и самих вещей с эмалью, Л. Д. Поболь смог доказать местное их производство. То же относится и к поселению Мощина в бассейне р. Угры.⁷

3. Местные вещи с эмалью из длинных курганов и трупосожжений Кветуни на Десне, а также с некоторых поселений и из кладов, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованы. Не проведен также их хронологический и типологический анализ и исследование с точки зрения истории одежды. Отсутствует также сравнительный их анализ с аналогичными изделиями Прибалтики.

4. На основании собственных исследований (рис. 6) автор приходит к следующим выводам. Во-первых, развитие типов, найденных на белорусско-украинской территории, зависело от типов Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония), если они даже значительно от них отличаются. Во-вторых, эти изделия с эмалью встречаются как случайные находки также и на территории черняховской культуры, хотя никогда не связаны с черняховскими памятниками. Их единичные экземпляры найдены на раннеславянских поселениях (с. Волошское у Днепропетровска) или в памятниках гуннского времени (Херсонес в Крыму, Сирма-Бесеньё у Мишкольца). С точки зрения истории одежды важны треугольные фибулы (с эмалью и без нее), которые по самой своей природе связаны с одеждой с одной фибулой (кветунские погребения с сожжением I и III) и типологически представляют собой дальнейшее развитие эстонских перекладчатых фибул (тип тюрсамяэ) IV в.

5. Местные изделия с эмалью с большими красными и зелеными вставками относятся к концу IV и V вв. и имитируют синхронные золотые украшения полихромного стиля юга со вставками из алмандинов и стекла.

6. Производство их угасает, когда обрываются контакты с Прибалтикой и в лесостепи начинается развитие славянской культуры, вместе с которым в женской одежде место треугольных фибул занимают бронзовые пальчатые фибулы днепровского типа или фибулы с кружковым орнаментом.

7. Если в позднем IV и в V вв. эмалевые изделия северной области зависят от Прибалтики и развиваются в связи с ней, то в VI—VII вв. развитие фибул южной области (бывшей черняховской территории) ориентируется на формы фибул крымских готов. Одежда с одной фибулой присуща обеим областям.

8. Изучение хронологии и областей распространения фибул показывает, что северные области не принимали участия в развитии пальчатых фибул юга, а южные области — в производстве эмалей на севере.

9. Север и юг друг с другом связаны всеми теми элементами культуры, которые были приведены как типичные для периода расселения славян VI—VII вв.: неукрепленные поселения, близости от рек, с полуземлянками (с печью в углу), лепная, родственная друг другу керамика, трупосожжения со скудным инвентарем, однофибульная одежда женщин.

10. Поскольку на севере известны комплексы находок конца IV и V вв. (группа Колочин — Тушемля — Абидня), твердо датируемые вещами с эмалью, а материалов VI и VII вв. мы здесь не знаем и только в VIII—

⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

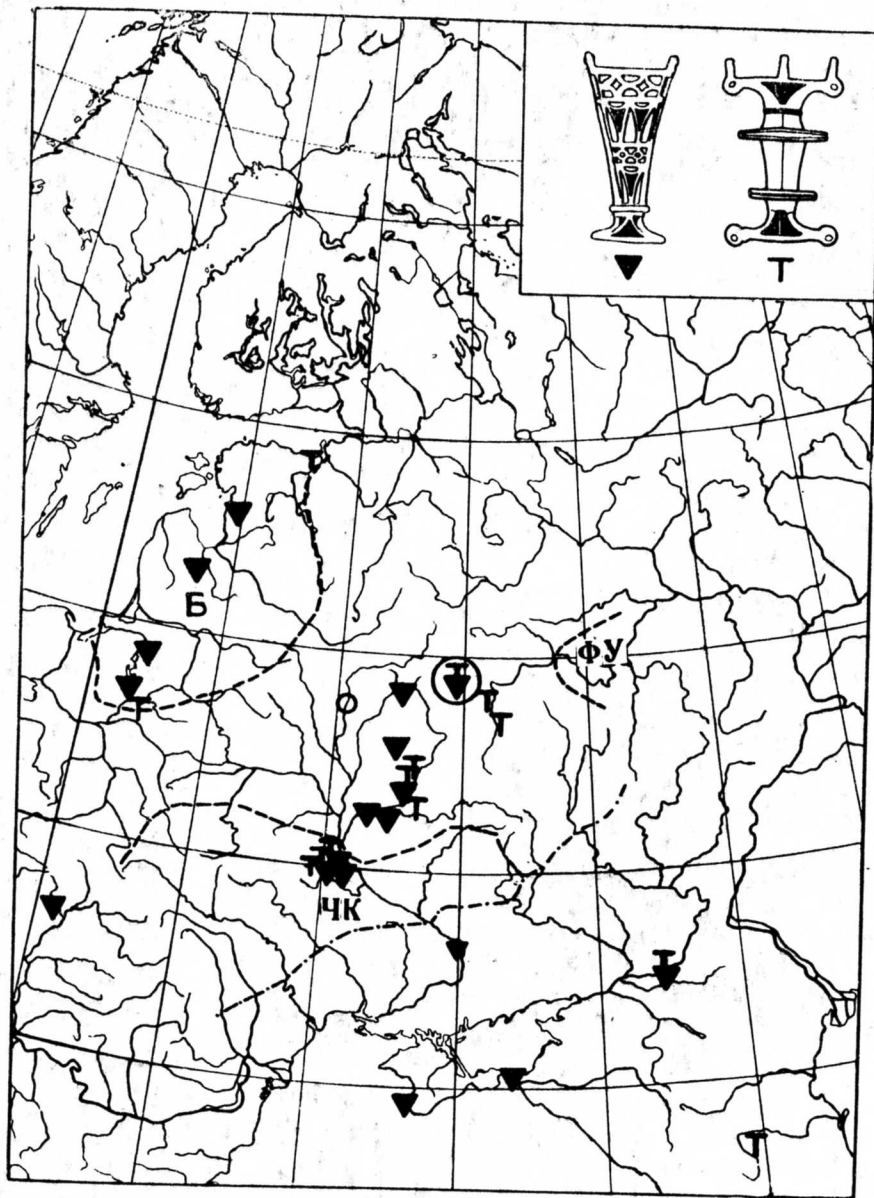

Рис. 6. Перекладчатые фибулы с эмалью:

Б — территории балтов; ФУ — финно-угры; ЧК — территория черняховской культуры

IX вв. появляются славянские городища и курганы, то, очевидно, в материале должен быть хитус, соответствующий тому, который был в лесостепи в течение V в. Видимо, есть все основания считать, что заселенность здесь прекратилась перед 500 г., и видеть в этом явление, сходное с прекращением черняховского расселения около 400 г.

11. Население, следы обитания которого в IV и V вв. обнаруживаются на широких пространствах Белоруссии до верхнего течения Днепра, Десны и до Угры (группа Колочин — Тушемля — Мощина), должно было перед 500 г. уйти на юг, следуя вдоль течения рек. Оно было славянским; безусловно славянский пеньковский тип юга следует в направлении се-

вер — юг за колочинско-тушемлинским типом во времени и, как видно на приведенной выше карте И. И. Русановой, в пространстве.

12. Юг (лесостепь), оставленный около 400 г. посетителями черняховской культуры, согласно всему вышесказанному, можно было бы рассматривать как первичную территорию экспансии славян, появившихся на нижнем Дунае под именем аптов и склавенгов. В северной, лесной зоне до 500 г. находилась область, откуда они происходят, а территорией вторичной колонизации после 600 г. стала прежняя римская территория к югу от Дуная.

Изложенная здесь рабочая гипотеза могла бы, с моей точки зрения, содействовать объяснению следующих явлений.

1. Большие людские массы, засвидетельствованные в VI в. между средним Днестром и нижним Дунаем археологически и исторически как славяне, а в VII в. занявшие широкие территории Юго-Восточной Европы, должны были переселиться из обширной области их первоначального обитания, которую теперь можно определить.

2. Появление уже вполне сложившейся культуры на территории их экспансии станет понятным, если учесть, что предшествующие ступени ее развития известны на севере, в месте их исхода из лесной зоны, что устанавливается и хронологически.

3. Способ постройки жилищ с печным отоплением внутри и местами для варки пищи вне жилищ обязан своим возникновением климатическим условиям лесной зоны.

4. Родство корчакской группы на Припяти с находящимися вне сферы византийских интересов славянскими группами, обнаруженными в Словакии и Чехии (пражский тип), у которых, так же как и на Припяти, археологически не удается установить женскую одежду с фибулой, отличает корчакскую группу от восточных славянских групп.

5. Если считать, следуя за советскими исследователями, с первичным заселением (мы бы сказали, с повторным заселением) северных областей славянами только начиная с VIII в., то отсутствие датированных материалов VI—VII вв. нашло бы свое объяснение в том случае, если признать обезлюдение этой территории начиная с времени около 500 г. При этой концепции следовало бы рассмотреть установленную советскими лингвистами «балтскую» гидронимию этой области с тем, чтобы проследить, нет ли названий рек, принадлежащих общему балтославянскому праязыку в понимании Х. Бирнбаума и С. Стэнга. Речь шла бы тогда о «праславянских» языковых реликтах на «вновь славянизированной» территории как свидетельстве наличия незначительного не ушедшего населения, которое жило восточнее и юго-восточнее собственно балтских групп.

В рассматриваемый период V—VII вв. происходили радикальные сдвиги населения в Восточной Европе как следствие больших переселений. На Украине они были столь же неизбежны из-за ухода носителей черняховской культуры около 400 г. и прихода славян около 500 г., как и на территории между Грецией и Карпатами, где славяне захватили прежние земли Римской империи. Даже только для объяснения этих событий, должны быть приняты сходные глубокие изменения также и к северу от границы лесостепи.

В настоящее время достаточно широко признается, что уход черняховцев-готов из украинских и румынских областей был вызван наступлением гуннов. При славянских вторжениях VI и VII вв. в Византийскую империю решающую роль, по письменным источникам, в качестве движущей силы играли булгары, кутригуры и авары. Роль восточных кочевников в больших передвижениях земледельческих оседлых народов в V—VII вв. заслуживает специального рассмотрения и в настоящей статье обсуждаться не будет. Археологической наукой почти не исследовались формы симбиоза земледельцев и кочевников, хотя этот симбиоз представляет

лейтмотив развития Восточной Европы. Вещи (VI—VII вв.) кочевников в славянских поселениях, среднего Поднепровья, женские погребения со славянскими принадлежностями одежды в аварских кладбищах первого каганата, клады-хранилища славянского или смешанного славяно-кочевнического характера в лесостепи (несомненно зарытые в военные времена клады Мартыновский, Хацковский, Судженский и Колосковский) могли бы пролить свет на политическую ситуацию того времени. Очевидно, и переход от открытых поселений на городища в позднем VII и VIII вв. должен быть связан с нажимом кочевников степной зоны на славян лесостепи. Само расположение кочевнических княжеских погребений или коллективных кладбищ VII в. на пограничье степи и лесостепи (Глodosы у Кироваграда, Вознесенское у Запорожья на Днепре, Малая Перещенина у Полтавы и Арцыбашево напротив мордвы на средней Оке) могло бы позволить сделать выводы об их соотношении со славянскими или финно-угорскими центрами поселений.

Исследователь в Центральной и Западной Европе, занимающийся археологическими материалами так называемой эпохи переселения народов, не может недооценить значение кочевнических элементов, принесенных гуннской державой, для развития культуры и взаимоотношений населения на Западе и Востоке. Когда под нажимом кочевников-гунов распалась лежащая широкой дугой перед римской дунайской границей германская промежуточная зона, славянские обитатели северных лесных областей смогли устремиться вдоль течения рек в обезлюдившую украинскую лесостепь. Путь через эту первичную территорию их экспансии, на которой прежде всего поселились анты, вел далее на юго-запад, на нижний Дунай, откуда склавены и часть антов двинулись на территорию Византийской империи к югу от реки. То, что в археологическом материале начинает выступать как раннеславянская культура, исключительно единообразная и отмеченная характерными культурными элементами в период передвижений VI—VII вв., имеет своим источником культурные явления IV—V вв. на свободных от балтского населения пространствах Белоруссии и пограничных с нею областей.

Следует ли изложенную здесь концепцию северной родины антов и склавонов подкрепить и сохранить или отбросить, должны проверить местные исследователи на материале (большой частью неопубликованном) с рассматриваемой территории. Советским исследователям представляется подчеркнуть критической проверке основной вопрос: *рабочую гипотезу о внезапном прекращении населения на севере через столетие, после широко признанного внезапного прекращения черняховского населения на юге.* Необходимым основанием для дискуссии был бы почти отсутствующий в настоящее время дифференцированный хронологический анализ металлических вещей и их анализ в плане изучения истории одежды и условий их находок на территории, с которой, как мы предполагаем, происходят анты и склавены.

Joachim Werner

SUR L'ORIGINE ET L'EXPANSION DES ANTES ET DES SCLAVÈNES

Résumé

D'après le témoignage de Procope, les Antes et les Sclavènes apparaissent dès le début du 6. siècle au nord du Bas — Danube, pour pénétrer en masse dans l'empire byzantin à la fin du 6. et au 7. siècle. Cette foule innombrable de Slaves réussit à slaviser les pays entre la Grèce et la Carinthie. Quelle fut la patrie originaire de ces Slaves? Dans les temps de leur expansion, selon les données archéologiques, la structure de la civilisation slave est caractérisé par des éléments bien déterminés: huttes quadrangulaires avec un four au coin (poluzemljanky), habitats non fortifiés sur les rives des fleuves et des